

УДК 32
ББК 66.3(2Рос)8

*Алексей Владимирович Постников,
Институт истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

Русский интеллигент Владимир Михайлович Константинов как востоковед, дипломат и разведчик

На основании публикаций последних лет, особенно Алексея Владимировича Соловьёва и семейного архива автора, представляющего собой переписку с В. М. Константиновым в годы его пребывания в лагерях ГУЛАГа (Чита и Хабаровск), а также общения с ним после освобождения, восстановлены некоторые факты, не освещённые в официальных документах следственного дела. Сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения деятельности учёных, инженеров и техников в тюремных спецподразделениях («шаражках») и их вклада в общую Победу нашей страны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Высказано предложение официально рассматривать таких сотрудников как ветеранов Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: геополитика, Евразия, дипломатия, политическая и военная разведка, Япония, Маньчжурия, Главное разведывательное управление РККА, Рихард Зорге.

*Alexey Vladimirovich Postnikov,
Russian Academy of Sciences Institute
of History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
Moscow, Russia*

Russian Intelligent Vladimir Mikhailovich Konstantinov as A Specialist in Eastern Studies, a Diplomat, and an Intelligence Officer

On the basis of publications of the last years, especially those by Aleksey Vladimirovich Solov'ev and the author's family archives representing correspondence with V.M. Konstantinov in the years of his stay in camps of GULAG (Chita and Khabarovsk), and also communication with him after his release, some facts which haven't been covered in official documents of investigations are restored. The conclusion on need of further studying the activity of scientists, engineers and technicians in prison's special forces ("sharazhki") and their contribution to a general Victory of our country in the Great Patriotic War of 1941–1945 is drawn. The author offers officially to consider such employees as Veterans of the Great Patriotic War.

Keywords: geopolitics, Eurasia, diplomacy, political and military intelligence, Japan, Manchuria, Main Intelligence Office of the Soviet Army, Richard Sorge.

Начиная краткое эссе о своём отце, автор прежде всего сердечно благодарит всех тех, кто изучает драматичную судьбу Владимира Михайловича Константинова и прежде всего замечательного читинского энтузиаста-исследователя – Алексея Владимировича Соловьёва, работы которого во многом послужили основой данной статьи.

Нашими оригинальными источниками были не доступные другим исследователям материалы семейного архива (главным образом переписка М. А. Постниковой с В. М. Константиновым в период его пребывания в хабаровском лагере и службы в Хабаровск, 1944–1956 гг.) а также рассказы отца, в которых иногда излагались

события и трактовки, сильно отличавшиеся от представленных в сохранившихся письменных источниках и, в частности, в следственном деле, использованном А. В. Соловьёвым.

Владимир Михайлович Константинов родился 1 августа 1903 года в семье японоведа, профессора (с 1919 г.) Восточного отделения историко-филологического, гуманитарного факультета Восточно-Сибирского университета (г. Иркутск), Михаила Михайловича Константинова (1882–1938). Об истоках рода Константиновых Владимир Михайлович рассказывал нам следующую романтическую историю. В соответствии с семейной легендой, дед Михаила Михайловича Константинова был эвенкийским

шаманом по имени Константин, который в возрасте 16 лет ушёл из прибайкальской тайги, а к 38 годам стал профессором Санкт-Петербургского университета, далее последовала романтическая история его любви к графине Строгановой (дочери одного из представителей славного рода баронов и графов Строгановых, происходившего из беломорских поморов), благополучно завершившаяся (несмотря на противодействие отца девицы) счастливым браком, ставшим истоком талантливой семьи сибирских интеллигентов Константиновых, представители которой отличились в гуманитарных и геолого-географических науках.

Михаил Михайлович Константинов окончил учительскую семинарию в Иркутске, затем восточный факультет Санкт-Петербургского университета. С 1903 года принимал участие в социал-демократическом движении, был меньшевиком. После Февральской революции 1917 года был одним из руководителей меньшевистской организации в Иркутске, редактором газет «Голос социал-демократии» и «Единение». Осенью 1919 года избран председателем Иркутской городской думы. Находился на различных постах в советских учреждениях, возглавлял редакционно-издательский отдел Дальневосточного секретариата Коминтерна. Участвовал в издании журнала «Архивное дело». С 1925 года он был деканом дальневосточного факультета Московского института востоковедения им. Н. Н. Нариманова [3].

Семья В. М. Константинова была удивительна тем, что все дети с самых ранних лет общались с родителями на трёх языках: русском, английском и японском. У Владимира Михайловича помимо такой уникальной возможности изучения иностранных языков с младенческого возраста были удивительные природные музыкальные и лингвистические способности: к 30 годам он в совершенстве владел шестью языками (два восточных – японский и китайский и четыре европейских – английский, немецкий, испанский и французский). По ходу заметим, что испанский язык он изучил по приказу начальства за два месяца, когда в 1936 году началась гражданская война в Испании. Помимо этого он свободно переводил тексты с латыни и древнегреческого языка. В. М. Константинов по окончании Иркутского коммерческого училища учился на Восточном отделении Восточно-Сибирского университета, окончил музыкальное училище по классу скрипки, а затем до 1921 года воевал в рядах армии Дальневосточной Республики против японских интервентов. По окончании гражданской войны он направился учиться в Московскую консерваторию, но товарищи по ВКП(б), учитывая его боевое про-

шлое и знание японского языка, настоятельно посоветовали поступить в Московский институт востоковедения им. Н. Н. Нариманова. По окончании японского отделения дипломатического факультета МИВ в 1927 г. он был сразу направлен в Японию, где работал в представительстве СССР, параллельно занимаясь научными исследованиями и окончил Университет Васэда в Токио по специальности «Древнеяпонский язык и история Японии». По линии Главного разведывательного управления РККА он был связан с группой Рихарда Зорге (1895–1944). Во время кратких приездов в СССР он учился в Академии Штаба РККА им. М. В. Фрунзе на специальном факультете (разведки). Помимо этого, также по приказу начальства, он заочно прошёл курс Ленинградского политехнического института по специальности «Авиационная техника».

В 1933 году Владимир Михайлович переведён в Москву и в 1935 г. назначен помощником начальника отделения Второго (восточного) отдела IV Управления Штаба РККА (ГРУ) [1, с. 426]. Руководитель Управления Ян Карлович Берзин (настоящее имя – Петерис Янович Кюзис (1890–1938)) в 1933 году принял решение о направлении Рихарда Зорге в Японию. Он поручил В. М. Константинову познакомить Зорге с особенностями жизни и работы в Стране восходящего солнца. Константинов конспиративно встречался с будущим легендарным разведчиком в Москве, Харбине и Париже, передавал ему свой опыт и знания. Рихард Зорге женился в 1933 году на выпускнице института сценарного искусства Екатерине Максимовой¹. Владимир Михайлович Константинов рассказывал, что в связи с абсолютной секретностью этого брака он был единственным сотрудником ГРУ, которому было поручено доставлять Екатерине Максимовой денежное содержание Зорге, а также его письма на немецком языке, которые он переводил жене разведчика на русский, так как немецкого языка она не знала.

В 1935 году Владимир Михайлович вновь ведёт разведывательную работу в Токио в должности 1-го секретаря полпредства СССР [3, с. 408]. Работал и учился в академии до ареста 20 августа 1938 года.

Владимир Михайлович провёл два года под страшным следствием, в ходе которого к нему (по формулировке протокола следственного дела) применялись «меры физического воздействия». Ещё в процессе следствия, в 1940 году, В. М. Константинов перевёл японский документ, в котором шла речь о сроках нападения Германии на СССР, и это учли при рассмотрении дела в НКВД. Осужден ВК ВС СССР 24 июня

¹ Репрессирована после разоблачения и ареста Зорге в Японии в 1942 году и умерла в ссылке в селе Большая Мурта Красноярского края 3 июля 1943 года.

1941 г. на 20 лет лишения свободы (ст. 58-1б, 11 УК РСФСР). Во время войны работал в «спецорганизациях» для заключённых (разведывательно-спецпропагандистских «шарашках») в Чите (1941–1942 гг.; где сидел в одной камере с А. Л. Клётным), затем в Хабаровске, занимался расшифровкой японских военных секретных документов.

В феврале 1946 года В. М. Константинов заявил начальнику УМГБ по Хабаровскому краю об отказе от своих показаний, данных под физическим воздействием в 1938 году. По инициативе начальника управления МГБ СССР по Хабаровскому краю С. А. Гоглидзе, поддержанной руководством Министерства госбезопасности, 13 июля 1946 года Президиум Верховного Совета СССР сократил Владимиру Михайловичу срок лишения свободы на 5 лет [6, с. 453]. Оставаясь заключённым, Константинов внёс значительный вклад в подготовку документов к Хабаровскому судебному процессу над японскими военными преступниками (декабрь 1949 года). 19 ноября 1952 года досрочно освобождён (на основании Постановления ОСО при МГБ СССР от 25 октября 1952 года). Однако ещё несколько лет его удерживали на службе в УКГБ по Хабаровскому краю в качестве референта по Японии и Китаю. В 1956 году, демобилизовавшись по болезни, приехал в Москву и поступил младшим научным сотрудником в Институт востоковедения АН СССР. Он до конца жизни (1967 г.) работал в этом институте, защитил докторскую диссертацию на основе перевода и исследования обнаруженного им в ГБЛ японского источника XVIII века «Оросия коку суймудан» («Сны о России») – рукописной хроники восьмилетнего пребывания в России японских моряков, заброшенных штормом на Камчатку. Изначально диссертация защищалась как кандидатская, но по предложению академика Н. И. Конрада (1891–1970) была пересмотрена на предмет соответствия её требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, и единогласно признана требованиям этим отвечающей. В. М. Константинов умер на четвертый день после возвращения из первой (после реабилитации) поездки в его любимую Японию.

В последние годы жизни готовил к изданию комментированный перевод ещё одного японского сочинения XVIII в. о России – книги Кацурагавы Хосю «Хокусамонряку».

В письмах М. А. Постниковой 1944–1950 гг. Владимир Михайлович сообщал о своих неоднократных обращениях в Верховный Совет СССР и Комиссию партийного контроля с просьбой о пересмотре его дела, но ответов на эти обращения не получал.

В 1950 году в Хабаровск был этапирован соратник, учитель и друг Владимира Михайловича – А. Л. Клётный. Дата прибытия Клётного может быть уточнена из следующего отрывка письма В. М. Константинова М. А. Постниковой (№ 58), датированного 15 мартом 1950 года: *Я не писал тебе в течение двух недель потому, что сюда прибыл мой старый и лучший друг, которого я не видел почти 8 лет. Ты его не знаешь, он был преподавателем Академии. Я помогал ему устраиваться, потом он заболел, он старше меня на 12 лет, и я стараюсь облегчить ему жизнь в здешних условиях. В связи с этим не мог урвать времени, чтобы написать тебе. Не сердись [5]* (см. рис. 1). Встреча старых друзей, по-видимому, была настоящим торжеством их несломленного духа «со слезами на глазах».

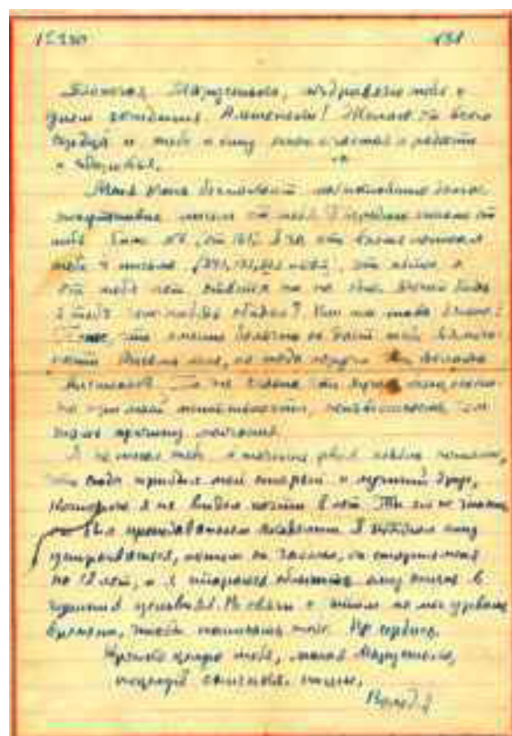

Рис. 1. Копия письма В. М. Константинова М. А. Постниковой в 1948 году

После возвращения в Москву Владимир Михайлович немного рассказал нам об А. Л. Клётном, не называя, конечно, его имени. Самым удивительным в этом рассказе было то, что, находясь в Хабаровском лагере, В. М. Константинов знал об удивительном сюжете из жизни этого востоковеда, разведчика и одновременно с ним репрессированного сотрудника ГРУ. Суть этой истории, документальные детали которой нам стали известны лишь недавно, благодаря изысканиям Алексея Владимировича Соловьёва, состояла в следующем. Во время

боевых действий с 16 августа по 17 сентября 1945 года в составе оперативной группы УНКГБ по Читинской области А. Л. Клётный находился в Маньчжурии для определения ценности захваченных документов японских разведывательных и контрразведывательных органов. По этим документам им было установлено свыше 700 агентов японской разведки в Китае и СССР [7, с. 488]. Владимир Михайлович рассказывал нам, что, узнав об этом по сути дела боевом задании своего учителя и друга, был уверен в освобождении А. Л. Клётного сразу же по возвращении из Маньчжурии, но этого не случилось, и через пять лет соратники встретились и продолжили свою беспощадную интеллектуальную битву с врагами Родины в нечеловеческих условиях ГУЛАГа.

Нас с Марией Алексеевной Постниковой миновала судьба родственников «врага народа», потому что официально брак Владимира Михайловича с Марией Алексеевной не был и не мог быть зарегистрирован по той простой причине, что у В. М. Константинова в то время была официальная семья (жена – переводчик и автор русско-японских словарей – Елена Александровна Константинова – и две дочери – Майя и Ирина). Семья эта по жестоким обычаям того времени весьма пострадала: жена провела 10 лет в лагерях, а Майя и Ирина мыкались всё это время в специальных учреждениях для детей врагов народа.

М. А. Постникова в тот период, невзирая на страшный риск для неё, как офицера Красной Армии и матери малолетнего сына, искала адрес лагеря, где находился в заключении В. М. Константинов, в конце концов, его нашла и с 1944 года начала переписку, к которой, в последние годы его заключения присоединился и я, с большим удовольствием делясь своими мыслями и чувствами с остроумным и тонким человеком, который для меня официально именовался «дядей Володи». Задолго до приезда «дяди Володи» в Москву (когда мама раскрыла мне истину) я догадывался, что переписываюсь с отцом.

Только после реабилитации 26 мая 1956 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР В. М. Константинов обрёл полную свободу [8, с. 549], вернулся в Москву с «тюремной женой» (с 1943 года) – Серафимой Константиновой, которая сделала очень много для завершения трудов и увековечения памяти безвременно ушедшего из жизни В. М. Константинова. Владимир Михайлович за недолгий срок нашего с ним личного общения (1954–1967 гг.) исключительно много дал мне, особенно в плане совершенствования моих знаний в истории и английском языке.

Поделюсь некоторыми фактами из нашей переписки и бесед с Владимиром Михайловичем Константиновым, не нашедшими отражения в использованных А. В. Соловьёвым и другими авторами документальных материалах. Нам представляется, что эти сведения могут помочь в дальнейших исследованиях его жизни и деятельности.

Для В. М. Константинова, как военного разведчика, официальным «прикрытием» была служба в аппарате Посольства СССР в Японии, однако это не значит, что он никогда не занимался агентурной деятельностью. Совершенно очевидно, что много рассказывать об этой деятельности он не мог по соображениям необходимости сохранения государственной тайны, но отдельные сюжеты в наших разговорах Владимир Михайлович упоминал.

Первый сюжет связан с подготовкой СССР к противостоянию с Японией в Монголии и Маньчжурии. 12 марта 1936 года между СССР и Монголией был подписан «Протокол о взаимопомощи». С 1937 года, в соответствии с этим протоколом, на территории Монголии были развёрнуты части Красной армии в виде 57-го Особого корпуса, которым последовательно командовали комдивы И. С. Конев и Н. В. Фелкленко. Летом 1938 года между советскими и японскими войсками у озера Хасан произошёл двухнедельный конфликт, закончившийся победой СССР. Именно накануне и во время этого конфликта, по свидетельству В. М. Константинова, он в порядке «производственной практики» Военной академии им. Фрунзе занимался агентурной разведкой в Маньчжурии и Монголии. Сугубо европейская внешность Владимира Михайловича в этом не мешала, так как по его «легенде» он был айном с острова Хоккайдо, а айны, как известно, весьма европеоидны по облику (см. рис. 2).

«По мрачной иронии судьбы, почти сразу по возвращении с этого боевого задания он был арестован как японский шпион. Это задание помешало Владимиру Михайловичу похоронить отца и даже прочитать некрологи о нём, опубликованные в советских центральных газетах. В письмах М. А. Постниковой из лагеря он просил её прислать ему те газеты, где (по его расчёту – в июне или июле 1938 года) были помещены эти некрологи. Михаил Михайлович, по-видимому, не узнал о трагической судьбе своего сына, но его мать – Иулитта Николаевна Константинова (в девичестве – Николаева) сполна почувствовала горе матери незаслуженно осуждённого сына. В. М. Константинов написал М. А. Постниковой, что Иулитта Николаевна умерла в 1943 году».

Рис. 2. Владимир Михайлович Константинов. Фотография, отправленная М. А. Постниковой от 15 марта 1950 г. Надпись на обороте: *Через 10 лет! Дорогой Марусе с сыном. Сентябрь 1948 г. В.*

Завершая своё эссе об отце, позволю себе вслед за А. В. Соловьёвым процитировать известного востоковеда, Академика РАЕН, доктора исторических наук, профессора И. А. Латышева:

«Перечисляя имена японоведов старшего поколения, работавших в Институте востоковедения АН СССР в 50-х годах, считаю своим долгом упомянуть хотя бы коротко о замечательном знатоке японской истории и культуры Владимире Михайловиче Константинове, пришедшем в институт во второй половине 50-х годов незадолго до моего перехода на работу в редакцию газеты «Правда». В начале 30-х годов Константинов обладал всеми возможными стать наряду с Конра-

*дом и Невским звездой советского японоведения первой величины. Ведь редко кому из наших соотечественников довелось в молодости учиться в одном из престижных японских университетов и овладеть в полной мере японским языком. А судьба, казалось бы, несла Владимира Михайловича на своих крыльях: находясь несколько лет в Японии в качестве сотрудника военного атташата советского посольства, он прошёл одновременно курс учёбы в университете Васэда. Но крылья судьбы оказались предательски ненадёжными: в злополучном 1938 году на него, одного из самых опытных знатоков Японии, беспричинно обрушилась тяжкая десница ежовского террора... Пришёл Владимир Михайлович в институт в 1956 году после 18 лет пребывания в сибирских лагерях. Пришёл в малознакомую ему среду научных работников, не утратив интереса к своей профессии японоведа, с большим багажом ранее накопленных знаний и со страстным желанием уйти с головой в научную работу, для которой у него были все необходимые предпосылки... **Это был безукоризненно воспитанный, мягкий, добрый и обаятельный человек**» [2]. Автор статьи выделил эту фразу потому, что он сам и подавляющее большинство людей, знавших Владимира Михайловича Константинова, прежде всего выделяли в нём именно эти человеческие качества.*

Наша конференция проходит в год 70-летия Великой Победы советского народа в войне против фашистской Германии и милитаристской Японии, поэтому мне представляется необходимым окончательно восстановить историческую справедливость в отношении тех учёных, инженеров и техников, которые в тяжелейших условиях лагерных «шаражек» различного профиля всемерно способствовали этой Победе и, пусть посмертно, но заслужили право носить гордое имя Участника Великой Отечественной войны!

Источники и литература

1. Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. – М.: Кучково поле: Военная книга, 2012. – 975 с.
2. Латышев И. А. Япония, японцы и японоведы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: readr.ru/igog-latishev-yaponiya...yaponovedi.html? (дата обращения: 16.05.2015).
3. Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: Дела и люди. – СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 640 с.
4. Михаил Михайлович Константинов (1882, Приморская область – 1938 г. Москва) – журналист, историк. Гласный Иркутской городской думы 23.09.1919–20.02.1920 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/konstantinov_mihail_mihaylovich (дата обращения: 16.05.2015).
5. Семейный архив Постниковых: В. М. Константинов – М. А. Постниковой, письмо № 58 от 15 марта 1950 г.
6. ЦАФСБ России. – Д. Р-23744. – Т. 3. – Л. 453.
7. ЦАФСБ России. – Д. Р-23744. – Т. 3. – Л. 488.
8. ЦАФСБ России. – Д. Р-23744. – Т.3. – Л. 549.